

Это всегда любовь

АШИРА ХААН

НЕ ЕЁ
Муж

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х12

*Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.*

Иллюстрация на обложке —
ЗАПилим (Матушкина Екатерина)
Художественное оформление —
ЗАПилим (Матушкина Екатерина)

Хаан, Ашира.

Х12 Не её муж : [роман] / Ашира Хаан. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 288 с. — (Это всегда любовь).

ISBN 978-5-17-188042-2

Иногда ты точно знаешь, как не надо. Но всё равно делаешь. Вопреки всем своим принципам, вопреки доводам разума, вопреки мнению общества.

Потому что есть что-то, что толкает тебя в пропасть.

Что это? Козни дьявола? Извращённость твоей натуры?

...любовь?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Пролог

— Он мне изменил, — сказала она спокойно и так между делом, что я не сразу осознала смысл слов.

Только что она щурилась из-за бликов солнца на воде, всплескивала руками, следя за дочерью-разбойницей, которая отнимала у какого-то несчастного мальчишки надувной круг, и обмахивалась ладонью, жалуясь на жару.

А еще вздыхала:

— Даже вечером никакой прохлады! Духота!

И так же деловито, глядя в сторону, продолжила:

— Они вместе работают. Не знаю, подчиненная или клиентка, но в командировке были вместе. Никогда не думала, что такое случится со мной.

Я все еще тормозила с реакцией.

Невозможно среди всей этой суеты с поиском в недрах сумки темных очков и бутылки воды с болтовней о работе и кулинарных рецептах сразу уловить страшный смысл, спрятанный за ее спокойным тоном.

Полина — одна из моих немногочисленных подруг. Я не люблю окружать себя толпой людей, лишь бы было шумно. Каждый человек в моем кругу —

тщательно отобран, проверен временем и обычно — редкий бриллиант.

Полина очень умная и тонко чувствующая, но закрытая, я бы даже сказала, строгая.

Рожденная в семье университетских преподавателей — ее дед в советские времена даже был ректором одного из институтов. Потомственная интеллигенция, коренные москвичи.

Рядом с ней я всегда ощущала себя немного неуклюжей, не очень умной и слишком громкой. Она была настоящей ледяной королевой. Из тех женщин, глядя на которых первое чувство — восхищение. Я гордилась тем, что она тоже выбрала меня в друзья.

Наверное, она иначе и не могла рассказывать о самых страшных ударах судьбы — только вот так, почти без эмоций.

Держа лицо.

А ведь у них с мужем была такая красивая история!

Каждый, кто видел ее рядом с высоким импозантным Германом, которому безумно шли строгие костюмы и дорогие часы, сразу признавал, что они идеальная пара. Оба умные, красивые, статные — и будто немного не из нашего века, настолько подчеркнуто уважительно обращаются друг к другу.

Но безумия любви это не отменяло. В начале их истории были цветы охапками, бесконечные беседы о книгах, спектаклях, музыке; обожание, восхищение, предложение через неделю, свадьба в Грибоедовском загсе и, как высшая степень их любви, рождение кра-

Пролог

савицы-дочки с золотыми локонами и голубыми глазами, подарочной девочки-вундеркинда.

И после этого всего — измена?

Невозможно.

Истерики, чтение переписок, контроль, вранье — вся эта бытовая грязь?

Нет, вообще не про них.

Потому так дико было слышать рассказ Полины здесь, у лесного пруда, куда мы выбрались жарким московским летом выгулять детей у воды.

Дико — вот то самое слово.

Подобная пошлость просто не могла случиться в их идеальной семье, где оба даже спустя десять лет брака обожали друг друга.

Так и хочется спросить: *«Ты не ошиблась, Польша?»*

Гер ведь не мог...

Но я точно знаю, что мог.

— Знаешь, кто она? — спрашиваю с замиранием сердца.

— Нет, видела только профиль «ВКонтакте», но он закрытый. На аватарке котенок, имя выдуманное. Я все перерыла, но больше никаких зацепок.

И я осторожно выдыхаю.

С облегчением. И виной.

Потому что та, с кем он ей изменяет, — я.

Я не знаю, что говорить.
Я бы не знала, что говорить, даже если бы это было не про меня.

Я просто слушаю Полину, пока она рассказывает, как проснулась ночью от сообщения на телефоне Германа. Он, как обычно, работал допоздна в своем кабинете.

В темноте спальни экран обжег глаза светом, она потянулась за телефоном, чтобы выключить его, — и увидела всего одну фразу. Совершенно невинную фразу, но она перевернула все внутри нее.

Она поняла сразу.

Вот просто сразу, всем сердцем.

Я молчу, пока она говорит. Молчу, обдираю травинку губами, и горький сок растекается по языку. Внутри сосущая пустота. Тоннель, ведущий в черноту космоса, в котором воет ветер.

Вина. Стыд. Страх.

Облегчение.

Легкие жжет, будто я бежала изо всех сил, а теперь все — дистанция кончилась, и я сижу на траве, дышу сквозь боль и чувствую дрожь во всем теле.

сейчас. Ну здравствуй, Лана

Она узнала.

И еще внутри ощущение беды. Которая уже случилась.

Кончился наш медовый месяц.

Наш бедовый месяц.

Полгода прятков, сопротивления чувствам, стертых номеров, стертых слизистых, срывов, когда мы не выдерживали и, наплевав на все клятвы, снова неслись навстречу друг другу.

Ожидания.

Ожидания беды.

Телефон звякает уведомлением. Я поспешно подхватываю его — на экране реклама, но я все равно открываю мессенджер и пишу Герману:

Встретимся в офисе?

Никакой конкретики, ничего личного.

Привычка.

Ни мой, ни его телефон не мониторят... *Не мониторили до сих пор.*

Но мы привыкли общаться максимально нейтрально, просто на всякий случай. Никаких «спасибо за прекрасную ночь», никаких «а твоя жена не догадывается, ха-ха-ха, как и мой муж», ни в коем случае. Под запретом даже «доброе утро».

Не помогло.

Извини, сегодня никак, дома что-то случилось, Полина просила приехать пораньше.

Я хмурюсь.

— Что там? — спрашивает она.

— Да у мамы опять какие-то опять проблемы, просит заехать, — привычно вру я.

— Давай я твоих мальчишек домой закину, — предлагает Полина. — Я все равно уже собиралась сворачиваться. Хочу поговорить сегодня с Германом. Как думаешь, я заслужила правду?

— Конечно, — киваю ей, и внутри взывает что-то страшное. Наверное, совесть. — Да, спасибо, закинь. Муж уже дома, он встретит.

«Вот об этом я и хотела поговорить», — пишу по дороге к стоянке.

Утрамбовываю Макара и Никиту на заднее сиденье вместе с их надувными кругами, подстилками и зонтиком от солнца, киваю Полининой дочке, разворачиваюсь и иду к дороге, сжимая в руке вибрирующий телефон.

— Что случилось? — спрашивает Герман, не тратя времени на приветствия.

Я машу подъезжающему такси и сажусь в салон, стряхивая песок с босоножек.

— Она все узнала.

В трубке молчание.

В молчании — пустота.

Мне кажется, там, на другом конце натянутой между нами нити из телефонных волн и ожидания, распахивается та самая черная дыра и в ней начинает гудеть вакуум космоса.

Таксист ловит мой взгляд в зеркале заднего вида и тут же отводит глаза.

сейчас. *Ну здравствуй, Лана*

— Гер...

— Насколько — все?

Голос напряжен и холоден.

Я зажмуриваю глаза, внутри все сжимается от чувства вины.

Потому что я — виновата.

Виновата только я.

— Что у тебя есть любовница.

— И что это ты?

— Нет, про меня не знает.

— Хорошо, приезжай в офис.

Таксист снова бросает на меня быстрый взгляд. Он сделал музыку потише, не пытается ни с кем переписываться, не рассматривает со скуки окружающие машины на светофоре. Все его внимание — на наш разговор. Кажется, у него даже уши слегка развернулись назад.

За окном машины несется летний вечер. Бесконечно долгий оранжевый закат, отражающийся в голубоватых окнах небоскребов. Зажигаются вывески баров, за высокими окнами ресторанов расставляют тарелки официанты в белых рубашках. Город готовится к пятничному вечеру. Загулу, отрыву, празднику конца недели.

Но в офисном центре — пусто. Большая часть окон не горит, закрыты магазинчики и кафе на первом этаже, шаги эхом отдаются в безлюдных коридорах, и лязг лифта, который не слышно днем, разносится на весь этаж, как в фильме ужасов.

Герман встречает меня в дверях своего кабинета. Яркий свет за его спиной очерчивает только темный

силуэт высокого статного мужчины в костюме, стоящего сложив руки на груди.

Я не вижу его глаз, но иду навстречу, потому что больше идти мне некуда.

Не знаю, чем закончится наш разговор.

Не знаю, чем закончится их с Полиной разговор.

Но больше ничего не будет как прежде — это я знаю точно.

— Ну, здравствуй, Лана, — говорит Герман.

Я хочу его поцеловать, но он отстраняется и отходит в сторону, пропуская меня в кабинет.

СЕЙЧАС.
Я знала,
что так будет

За окнами офиса сгущается вечерний полумрак, чуть подсвеченный inferнальными отблесками заката в окнах соседнего небоскреба. А здесь горит всего одна настольная лампа, и тени от нее искажают лицо Германа. Я смотрю на него и никак не могу понять, что оно выражает.

Боль? Равнодушие? Злость? Отвращение? Страх?

Все то смятение чувств, что сейчас бушует внутри меня, я приписываю ему. И в зависимости от того, волна с каким именем накатывает, тех и вижу.

Герман стоит передо мной — холодный, строгий и очень чужой. Как в те дни, когда все только начиналось и я не знала, о чем с ним говорить, задавая неловкие вопросы и получая в ответ равнодушные взгляды.

Я подхожу к нему близко-близко, поднимаюсь на цыпочки, втягивая носом знакомый запах, и пропадаю.

Говорят, любовь можно отличить от простого интереса, сексуального влечения, дружбы, всего остального, что не она, всего по одному признаку. Если ты нюхаешь вот это местечко на виске, и оно пахнет для тебя домом — это любовь.

Герман упакован в деловой костюм с голубоватым отливом, офис представляет собой смесь холода, стали и белого света ламп, его рубашка застегнута на все пуговицы, его серый галстук выглядит так безупречно, словно отлит из серебра, но когда я чувствую этот запах у его виска — терпкий и теплый, я словно из заснеженного полярного ада попадаю в нато-пленную избушку. *Меня там ждут — горит живой огонь в печи, пахнет едой и чаем на травах, а на единственной кровати ворох теплых меховых одеял.*

Мы с Германом смотрим друг на друга, и в его темных, почти черных глазах я вижу то, чего мне сейчас не хватает: тепло. *Любовь.* Он словно прячет себя настоящего за этим обликом безупречного бизнесмена. Но оттуда, изнутри его ледяного скафандра, выглядывает он настоящий. Надо только поглубже заглянуть ему в глаза. Однажды я так и сделала.

Нам надо так много сказать.

Мне — ему.

Ему — мне.

Тревога в груди бьется в такт сердцу, в тени которого она пряталась столько месяцев.

Но этот день должен был настать.

— Я знала, что так будет, — говорю тихо, обращаясь к этому живому Герману внутри строгого бизнесмена, стараясь не думать о том, что он пока меня даже не обнял. — Я ждала этого момента. Все время ждала...

— Тиш-ш-ше... — говорит он, и я понимаю, что мои горячие слезы все-таки прорвались через все заслоны и текут по лицу. Сжимаю веки, закрываю

сейчас. *Я знала, что так будет*

глаза ладонями. Судорожно вдыхаю, чтобы не рыдаться.

Мне сейчас даже некого винить.

Кроме себя.

Герман осторожно отнимает мои руки от лица, берет их в свои и склоняется, целуя пальцы.

По одному поцелую на костяшку и последний — в ладонь.

За окнами разворачивается во всю ночную ширь душное московское лето, плавит асфальт жара, не выпускающая город из своих объятий даже после захода солнца. А здесь, в кабинете Германа, на полную мощность включен ледяной кондиционер — как он любит. Чтобы сотрудники ходили с длинным рукавом, а сотрудницы в колготках.

Но я-то в летнем платье, и по моей голой коже разбегаются мурашки от холода. Хочется прижаться к единственному живому существу в этом офисе.

Согреться.

— Скажешь, что все будет хорошо? — то ли прошу, то ли спрашиваю.

— Не скажу. Я тебе никогда не вру.

Мы так и стоим посреди его кабинета, словно считаем себя недостойными даже присесть на диван, который за последние несколько месяцев видел столько всего, что хватило бы на целую коллекцию фильмов для взрослых.

И кресло видело. И стол.

И даже этот дорогой дизайнерский ковер на полу, имитирующий густую траву. Однажды на него даже капала с ладоней кровь — то был один из самых счастливых дней в моей жизни.